

Виновен по определению...

Проще обвинить невиновного, чем докопаться до истины.

Народная мудрость

В процессе трудовой деятельности по найму может произойти несчастный случай на производстве; работник может получить профессиональное заболевание. Пострадавший может стать инвалидом или даже погибнуть. Согласно ст. 212 ТК РФ, организатор производства, т.е. работодатель, должен обеспечить безопасность труда и жизни своего наемного работника.

С позиции функциональности и предназначения охраны труда как вида деятельности, направленного на предотвращение и профилактику повреждения здоровья работающих по найму на производстве, сразу же возникает цепочка вопросов: что именно произошло; почему, каковы непосредственные и косвенные причины произошедшего; какие меры и в каком объеме могут предотвратить подобные случаи в будущем?

Одновременно появляется другой вопрос: кто понесет прямые и косвенные расходы, вызванные этим событием, – образно говоря, кто заплатит за все?

А платить приходится, ибо любое неблагоприятное событие на производстве требует каких-то действий, например – организации по-

хорон, что влечет за собой затраты, включая труд занятых в этих действиях людей; расход тех или иных материальных и денежных средств, не говоря уже о возмещении причиненного пострадавшему вреда.

Причины несчастного случая на производстве и/или профессионального заболевания должно установить расследование. Именно оно выявляет технические, организационные и личностные причины произошедшего. Это позволяет принятием соответствующих мер обезопасить трудовой процесс от такого рода опасных происшествий и неблагоприятных событий.

В рамках действующего законодательства решается не менее важный вопрос – о возмещении вреда пострадавшему причинителем вреда – субъектом права, прямо или

косвенно виновным в произошедшем неблагоприятном событии.

На вопрос о том, кто понесет расходы по возмещению вреда, причиненного пострадавшему, существует три варианта ответа: 1) общество в целом в лице государства; 2) работодатель, который использовал труд пострадавшего работника для получения своей прибыли, а теперь должен заплатить пострадавшему за непредотвращенное им несчастье; 3) пострадавший – ибо то, что с ним произошло, с одной стороны, конечно, его личное деяние и горе, но с другой, – оно доставило массу неприятностей окружающим, включая различного рода затраты работодателя и не только.

Первый вариант характерен для коллективистского общества, каким был советский социализм, второй – для индивидуалистического буржуазного общества с его рационализмом и прагматизмом, третий – для феодально-бюрократического общества, где все хорошее изымается в пользу собственников и обслуживающей их бюрократии, а все плохое возлагается на простых бесправных людей.

Буржуазное право четко говорит о том, что причинение вреда должно быть возмещено причинителем вреда, который обязан возместить вред, причиненный пострадавшему. Для упрощения процедуры выявления виновного в типичных случаях почти автоматически в досудебном порядке причинителем вреда счита-

ется или владелец рисков объектов или процессов повышенной опасности, или организатор производства – наниматель пострадавшего (на практике зачастую лишь по-разному именуется один и тот же субъект права).

Заметим, что российское право, и трудовое и гражданское, в целом следует в русле этих общих для рыночной экономики положений. Российскую буржуазию (и в царское время, и сегодня), по мнению многих исследователей, отличает необузданная приличиями демократического гражданского общества, патологическая жадность, требующая возложить все затраты на самого пострадавшего (и членов его семьи).

Это стремление уводит расследование обстоятельств причинения вреда от вопроса: «Что делать?» для предотвращения подобных несчастных случаев в будущем к вопросу: «Кто виноват?» для наказания виновных. При этом определенную часть наказания составляет неполная компенсация причиненного вреда под внешне благовидным предлогом – сам виноват.

Вот почему в настоящее время в нашей стране действующими нормативными документами по расследованию несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний предусмотрена возможность устанавливать факт грубой неосторожности пострадавшего, которая могла содействовать

возникновению или увеличению вреда, причиненного его здоровью. Этот факт порождает «вину» пострадавшего, которая в облике «степени вины» позволяет уменьшить возмещение вреда практически до нуля.

Возможность установления факта грубой неосторожности и степени вины пострадавшего предусмотрена в абз. 6 ст. 230 ТК РФ, в ст. 14 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», в абз. 2 п. 27 Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, в п. 26 Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний.

Смысл всех этих требований изложен в ТК РФ: *«В случае установления факта грубой неосторожности застрахованного*, содействовавшей возникновению вреда или увеличению вреда, причиненного его здоровью, в акте указывается степень вины застрахованного в процентах, установленная по результатам расследования несчастного случая на производстве».*

Увы, ни в одном из указанных выше и иных документов, регулирующих трудовое право, нет опреде-

ления терминов «неосторожность», «грубая неосторожность», «вина», «степень вины»; отсутствуют методики определения грубой неосторожности и степени вины.

Все это делает вышеназванные категории чрезмерно оценочными (весьма субъективными). Это дополнительно вызывает множество проблем и дает основания утверждать, что идеи установления факта грубой неосторожности и степени вины пострадавшего лишь формально основаны на законе и в сущности несправедливы по отношению к пострадавшему.

Этот вывод обоснован тем, что для понимания грубой неосторожности и вины на практике приходится применять к трудовым отношениям не относящиеся к трудовому праву нормы гражданского или уголовного права, используя одинаковые слова русского языка для наименования терминов и понятий, имеющих существенно разное содержание для правоприменительной практики в разных сферах права.

Заметим, что такая путаница характерна и для многих других понятий охраны труда, к которой пренебрежительно – с позиций правового нигилизма – относятся не только лица, занятые правоприменительной практикой, но и лица, занятые нормотворчеством.

Например, термин «вредные условия труда» присутствует в трудовом законодательстве, санитарном

* Имеется в виду пострадавший, он же работник или застрахованное лицо, работающее не по трудовому договору. Случай, когда один работающий «наломал дров», а пострадал другой, фактически в данном случае не рассматривается.

законодательстве, в пенсионном законодательстве и имеет разное правовое применение для работающего.

Попытаемся разобраться с понятиями «грубая неосторожность» и «степень вины».

Всем известно, что любое повреждение здоровья возникает как результат того или иного действия, имеющего природный, технико-технологический или человеческий характер. Это действие может быть целенаправленным либо абсолютно случайным, обдуманым или неосознанным. Все реальные действия при трудовой деятельности укладываются в этот диапазон различий и, как правило, являются сочетанием целенаправленности поведения человека и случайности тех или иных обстоятельств окружающего нас мира. При этом характеристики действия, приводящего к неблагоприятному событию, могут быть проявлением тех или иных закономерностей.

Целенаправленное причинение вреда человеком порождает правонарушение (деликт или преступление), виновник которого должен быть наказан, а причиненный этим правонарушением вред – возмещен. Такое целенаправленное действие характеризуется прямым умыслом действующего лица, что и ставится ему в вину независимо от того, был или не был достигнут результат.

Вместе с тем причинение вреда теми или иными действиями

может произойти случайно и без злого умысла. Виновник, т.е. лицо, совершившее эти действия, повлекшие неожиданные последствия, с юридической точки зрения виновен и может даже осознавать свою вину, но в чем-то он, образно говоря, «без вины виноват», ибо не ожидал именно такого поворота событий.

Его внутреннее отношение к неблагоприятным последствиям совершенного им действия (бездействия) не позволяет характеризовать его как злоумышленника, как лицо, имевшее умысел. Ему в вину можно поставить не умысел, а непредусмотрительность, необдуманность, неосмотрительность, небрежность, неосторожность.

Так случилось, что именно применяя последний термин, стали характеризовать в праве причину социально значимых неблагоприятных последствий неумышленного действия, – тем более, что неосторожность по своим последствиям может быть не менее неблагоприятной, чем умышленное деяние.

Заметим, что слово «неосторожно» близко к слову «небезопасно». Если человек понимал небезопасность своего поведения и это привело, даже против его желания, к причинению вреда, он должен быть наказан за свою неосторожность. Если человек не предвидел общественно опасные последствия своего деяния и по обстоятельствам конкретной ситуации, в которой он действовал, не мог и не должен

был их предвидеть, то его деяние считается совершенным невиновно.

Так целенаправленность и случайность описываются через понятия «умысел», «неосторожность» и «неосведомленность». Факт осведомленности/неосведомленности очень сложно доказать, а потому это понятие почти не используется на практике. Более того, в рамках трудового права понятие «неосведомленность» стремятся свести к минимуму, а потому работник не должен быть допущен к трудовой деятельности без соответствующего обучения по охране труда, а к новым работам – без соответствующего инструктажа. Он должен предвидеть последствия своих действий, а потому должен быть осведомленным и осторожным.

В уголовном праве в рамках умысла выделяется прямой и косвенный умысел, а в рамках неосторожности – преступное легкомыслие и преступная небрежность. Неосторожность характеризуется либо легкомыслием, не позволившим предвидеть все вредные последствия данного деяния, либо небрежностью в действиях, внезапно приведших из-за конкретных обстоятельств, действующих помимо нашей воли, к совершенно нежелательным и непредвиденным последствиям.

Уголовным правом большинства стран не допускается объективное вменение, т.е. ответственность за деяние, совершенное невиновно из-

за полной неосведомленности о последствиях своих действий.

В административном праве различают понятия «умысел» и «неосторожность» (в форме легкомыслия и небрежности). С умыслом связывают понимание правонарушителем не только противоправного характера своего действия (бездействия), но и возможных неблагоприятных последствий.

В гражданском праве встречается две формы вины – умысел и неосторожность (простая и грубая), однако эта детализация практически не влияет на объем возмещаемого вреда, поскольку гражданское законодательство основано на принципе полного возмещения вреда причинителем вреда – безотносительно к тому, с умыслом либо по неосторожности этот вред был причинен.

Простая неосторожность характеризуется отсутствием должной заботливости и предусмотрительности виновника в данной конкретной ситуации, а грубая – нарушением элементарных правил и требований осмотрительности, заботливости, известных всем и всегда.

Считается, что простая неосторожность связана с недостаточной внимательностью, с небрежностью в поступках, а грубая – с явно потенциально неправомерными действиями, о чем, как правило, большинство правонарушителей либо знает, либо интуитивно догадывается.

ТЕМА

Ответственность по гражданскому законодательству может наступить лишь при наличии вины, которая в гражданском праве фиксируется для получения компенсации с виновника. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

В ГК РФ нет определения вины, но есть определение невинности (ст. 401): лицо признается невинным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Вина потерпевшего в форме простой неосторожности во внимание не принимается, а ответственность независимо от вины может быть установлена либо прямым предписанием закону, либо соглашением сторон. Кстати, согласно закону ответственность независимо от вины несет владелец источника повышенной опасности, который освобождается от ответственности лишь при умысле самого потерпевшего или при наличии непреодолимой силы.

Заметим, что впервые определение грубой неосторожности было сформулировано еще в римском праве для описания нарушения правовых норм. Это «непонимание того, что понимают все». Из этого посыла исходит и российское деликтное право, считая, что грубая неосторожность – это нарушение простых, элементар-

ных правил и требований осмотрительности и предусмотрительности, предосторожности и осторожности.

Практика показывает, что при грубой неосторожности нарушаются обычные, очевидные для всех требования, стандартно и повсеместно предъявляемые к определенной деятельности.

В нормативных документах, относящихся к охране труда, определение понятия «грубая неосторожность» впервые появилось в ГОСТ 12.0.002-2014 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Термины и определения», в котором под этим понимается сознательное нарушение требований безопасности или их грубое непреднамеренное нарушение из-за незнания требований безопасности труда при выполнении данной работы.

Легко видеть, что умысел нарушителя нормативных требований включен здесь в грубую неосторожность, ибо он – этот умысел – практически никогда не направлен работником на сознательное причинение вреда себе самому или своим коллегам по работе, но может иметь другие цели – например, хищение меди из электроустановки, а затем – при той или иной последовательности почти случайных событий – привести к нечаянному, неумышленному причинению вреда другим работникам или себе самому.

Даже данный единичный пример показывает некоторые различия

«грубой неосторожности» в уголовном, административном, гражданском и трудовом праве.

С позиции соблюдения требований безопасности труда этот умысел пострадавшего, скорее, является «недомыслом» (недомысливанием) – в отличие от явного умысла в иных ситуациях, в первую очередь криминальных.

Согласно статистическим данным Международной организации труда примерно 25 % несчастных случаев связано с невнимательностью, с небрежностью движений, с так называемыми техническими ошибками. В трудовом праве их можно отнести к простой неосторожности. Оставшиеся 75 % несчастных случаев связаны с так называемыми интеллектуальными ошибками из-за незнания и неумения работать правильно, а потому – безопасно. Их можно отнести к грубой неосторожности.

Вместе с тем грубая неосторожность как особое небезопасное поведение связана не только с неверными и неправомерными действиями пострадавшего, но и с неблагоприятными условиями труда и недостатками корпоративной организации трудового процесса.

Работодатель должен был научить работника безопасно работать, организовать эту работу, включая управление действиями работника, обеспечить работника всеми необходимыми инструментами, оборудованием, приборами и средствами

индивидуальной защиты, не допускать не готового трудиться безопасно работника к самостоятельной работе.

Не секрет, что зачастую все требуемое охраной труда не было фактически сделано на том или ином рабочем месте, особенно временном или нестационарном, под тем или иным предлогом (практикующиеся повсеместно формальные росписи работников – это подлог, который следовало бы хоть раз зафиксировать, а виновных в этом – наказать!).

Опыт расследования показывает, что чаще всего пострадавший был поставлен в такие условия, когда ему практически была навязана грубая неосторожность в поведении. У него не было другого выхода, кроме увольнения из-за неподчинения или из-за не сделанной в срок и в нужном объеме работы, если он отказывался от принятия «правил игры» на предприятии.

Заметим, что вина потерпевшего никогда не предполагается, а потому всегда подлежит доказыванию. Кроме того, вина потерпевшего вообще не учитывается при возмещении вреда в случае потери кормильца – ст. 1089 ГК РФ; при возмещении расходов на погребение – ст. 1094 ГК РФ; при взыскании дополнительных расходов в случае причинения вреда здоровью – ст. 1085 ГК РФ.

Правила соотношения вины причинителя вреда и вины потерпевше-

го в произошедшем закреплены в ст. 1083 ГК РФ.

Согласно положениям этой статьи, во-первых, вред, причиненный потерпевшему, но возникший вследствие умысла потерпевшего, не подлежит возмещению. Во-вторых – размер возмещения может быть уменьшен в случае, если причинитель вреда в соответствии с законом отвечает только при наличии вины, которая имеется, а в действиях потерпевшего также присутствует вина в форме грубой неосторожности.

Это случай так называемой смешанной вины, т.е. когда и причинитель вреда, и потерпевший содействовали наступлению самого события, в результате которого возникло причинение вреда. Учет вины каждого помогает установить пропорциональность соотношения затрат каждого в возмещении вреда.

Судебная практика по отношению к фактам грубой неосторожности пострадавшего на производстве противоречива, и часто решение в пользу пострадавшего зависит исключительно от того, кто представляет пострадавшего в суде: технический инспектор труда профсоюзов или просто юрист. В большинстве случаев в первом случае суд не находит оснований для признания факта грубой неосторожности, ибо сталкивается с квалифицированной защитой, а во втором – приходится надеяться только на квалификацию и человечность судьи.

Если сгруппировать типичные основания для решения комиссии об установлении факта грубой неосторожности и степени вины пострадавшего работника в актах по форме Н-1, то можно выделить несколько групп случаев.

I. Пострадавший получил травму при выполнении действий (работ), которые ему не поручали, – сам виноват!

Необходимо посмотреть, почему он делал эту работу, – ведь он пришел не на субботник, а по найму работать за зарплату. Но именно это обстоятельство сознательно затушевывают.

Зачастую такая ситуация происходит вследствие того, что работник вынужден выполнять работы фактически сразу по многим профессиям из-за повышения интенсивности труда, но при этом он оформлен на работу по трудовому договору только по одной профессии и, соответственно, обучен и допущен только к работе по профессии по трудовому договору. Вот и получается, что фактически выполняемая работа и юридически разрешенная не совпадают. Это – недоработка организатора производства – работодателя.

II. Травма получена пострадавшим в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – сам виноват!

Но почему на рабочем месте работник оказывается в таком состоянии и ведет себя неадекватно? Кто

его пропустил на предприятие, кто допустил до работы, кто его контролирует? А если визуально отсутствуют очевидные признаки опьянения (несвязная речь, нарушение координации движений, неадекватное поведение), тогда в чем причинно-следственная связь опьянения с несчастным случаем и что является основанием для установления факта грубой неосторожности? И опять это – недоработка организатора производства – работодателя.

III. Пострадавший нарушил локальные акты организации (инструкции по охране труда, рабочую инструкцию, технологические регламенты и т.д.). Знал ли он о них, прошел ли проверку знаний именно этих документов? А если он и сдал все положенное, то мог ли он все это выполнить на практике?

Сплошь и рядом даже простой «натурный эксперимент» показывает, что тот объем работы, который был определен заданием пострадавшему, невозможно выполнить при условии соблюдения всех требований охраны труда, прописанных в многочисленных локальных актах организации. И опять это – недоработка организатора производства – работодателя

IV. Пострадавший, по мнению комиссии, сознательно нарушил абсолютно недоказуемые требования (должен был выше поднимать ноги при хождении по лестнице, проявлять осторожность при хождении по льду и др.).

Такие суперпсевдотребования часто встречаются в следующей формулировке акта по форме Н-1: *«Пострадавший в условиях гололеда проявил грубую неосторожность при ходьбе, в результате чего упал и сломал себе ногу»*. Как будто в условиях гололеда работник должен был ползти по территории предприятия по-пластунски.

Такое падение – не более чем простая неосторожность, либо неосторожности здесь нет и в помине, и справедлива формулировка: несмотря на проявленную осторожность передвижения по территории предприятия в условиях гололеда, пострадавший поскользнулся, упал и сломал себе ногу (руку, ключицу...). Но при такой формулировке никакой вины пострадавшего нет, а вот вина работодателя отчетливо видна.

V. Возложение вины на пострадавшего любой ценой происходит и при перекладывании ответственности с работодателя на работника из-за страха истинных виновников перед возбужденным уголовным делом по факту несчастного случая. При этом чаще всего доказывается, что пострадавший якобы вел себя как нарушитель. Такие попытки делаются в надежде потянуть время, затормозить следствие, – вдруг потом обнаружится что-то такое, из-за чего дело закроют.

VI. Пострадавший отказался скрывать несчастный случай на

ТЕМА

производстве, и за это его наказали процентами вины.

Эта ситуация часто связана с репрессивной системой на предприятии, где царит произвол – за каждый несчастный случай на производстве ряд «виновных» работников вылетают «за забор», и/или никто из сотрудников организации не получит 13-ую зарплату в конце года.

В последнее время в медиа-пространстве сообщается о том, что на ряде передовых крупных предприятий введено премирование работников за отсутствие травм. Но на практике это зачастую означает невольное или специальное создание системы тотального коллективного сокрытия несчастных случаев.

Это подтверждает статистика непрерывного стабильного падения уровня травматизма. В ряде субъектов РФ соотношение количества смертельных (и аналогично – тяжелых) легких несчастных случаев и приближается к 1:7, тогда как во всем ином мире оно примерно равно 1:30. Скоро будет зафиксировано еще меньше легких несчастных случаев, и учитывать станут только те, тяжесть травмирования и/или смерть пострадавшего в которых не дадут скрыть это событие.

VII. Практика показывает, что повсеместно встречаются ситуации, провоцирующие несчастные случаи, но требующие возложения вины на пострадавшего. Например, практическая деятельность в организации

кардинально отличается от того, что прописано в инструкциях по охране труда. Как говорится, работаем как удобно, а если что случится – отвечаем по бумагам.

Бывает, что в разных корпоративных документах по охране труда содержатся противоположные требования безопасности, что обусловлено противоречивостью и небрежностью законодательства. Если произойдет несчастный случай, то эти требования применяются избирательно – так, как это удобно работодателю или следствию в соответствии с принципом: «Закон что дышло, как повернул – так и вышло».

VIII. Сегодня в связи с ухудшением экономической ситуации и массовой задолженностью по кредитам пострадавший перестает соблюдать все требования безопасности, чтобы выполнить и перевыполнить план и хоть что-то заработать. Представитель работодателя делает вид, что он этого не замечает, хотя, по сути, одобряет (его зарплата также зависит от выполнения плана) и поощряет. Такая ситуация обычна для сделальной или премиально-аккордной работы, выполняемой на старом оборудовании.

IX. Увеличение пенсионного возраста, удлинение рабочих смен, несоблюдение режима труда и отдыха ведут к тому, что работник физически и психологически устает к концу смены или рабочей недели и начинает по неосторожности совершать

ошибки, приводящие к несчастным случаям.

Особенно ярко это проявляется у водителей, занятых большегрузными междугородними перевозками (дальнобойщиков), шоферов такси, частных автобусов и «маршруток». Их усталость зачастую приводит к ДТП. На производстве эти ситуации широко распространены.

Аналогичные ситуации – при постоянной работе в ночное время, да еще в составе бригады и с источниками повышенной опасности; при совмещении (совместительстве) профессий. В результате сниженного внимания и дистресса происходят несчастные случаи, вызванные грубой неосторожностью. Ничем не лучше в этом смысле привлечение пострадавших к сверхурочным работам – замечено повышенное травмирование при выполнении работы в таких условиях.

X. Направление работника в командировку без жесткого определения порядка поведения вне постоянного рабочего места или на вахте, включая внерабочее время, по сути, предоставляет работнику большое право выбора вариантов поведения, которое не всегда является правильным и безопасным.

XI. Отсутствие медицинского осмотра, обучения; отсутствие СИЗ, особенно использование дежурного СИЗ, не подходящего по размерам. При этом работодатель лицемерно утверждает, что работник имеет право отказаться от выполнения работы.

Вышеприведенное показывает, что грубая неосторожность пострадавшего на производстве является не его персонифицированной виной, а почти неизбежной бедой, вызванной системой отношения официальных лиц работодателя и чиновников нормотворческих структур к пострадавшим в условиях внутренне противоречивой нормативной базы, искусно перемешивающей и запутывающей понятия прав и обязанностей работника.

Работник всегда зависим от работодателя и является в гражданском процессе слабой стороной. Именно поэтому для «эквивалентирования» сторон защищать работника и предназначено трудовое право. Но и оно деформировано в соответствии с традициями и «понятиями» правоприменительной практики действующего законодательства.

В ст. 210 ТК РФ говорится о том, что одними из основных направлений государственной политики в области охраны труда (среди прочих) являются «обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников», «расследование и учет несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», «защита законных интересов работников, пострадавших от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также членов их семей на основе обязательного социального страхования работников от несчастных случаев

ТЕМА

на производстве и профессиональных заболеваний».

Это означает, что все действующие лица в сфере охраны труда должны максимально обеспечить профилактику несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а если эти случаи все же произошли (неважно, по каким причинам, – закон это не выделяет), – то защиту законных интересов пострадавшего путем назначения страхового обеспечения.

Вот тут-то и начинает действовать внутреннее убеждение чиновников, что чем в меньшем объеме они назначат социальное обеспечение, чем больше денег «сэкономят», тем лучше будет государству. Им – да, государству – нет!

Недаром в странах Запада, где пока больше пекутся об интересах налогоплательщиков, а не чиновников, сполна платят пострадавшим из собранных в страховой фонд денег работодателей. При этом чем больше средств расходуют из этого фонда, тем больше денег в него собирают.

Такая практика рациональна, ибо, если не дать пострадавшему денег из страхового фонда, то он начнет ходить по судам, добиваясь средств к существованию, а потом все равно «сядет на шею» государству, но уже на «бюджет», на деньги налогоплательщиков, а это недопустимо.

Но страховщик всеми правдами и неправдами стремится не признать

несчастный случай на производстве страховым, не назначать (под любым предлогом) нормальное социальное обеспечение. Это неверно, ибо тем самым затраты переносятся из совокупного «кармана» работодателя (страхового фонда) в карман (бюджет) государства. Почему это обстоятельство непонятно нормотворцам – нам, авторам этой статьи, абсолютно непонятно.

При социальном страховании профессиональных рисков страхуется утрата трудоспособности при работе по найму вообще, а не получение конкретной травмы в ходе конкретных трудовых операций. Произошел несчастный случай на работе, дали медики заключение об утрате трудоспособности, – плати, страховщик, все, что положено, а не делай хитромудрые попытки «провести экспертизу», «не признать», «установить вину» и т.п.

На этом фоне тотального непризнания по надуманным и ложным мотивам случаев страховыми, отказа в назначении страхового обеспечения пострадавшим установление грубой неосторожности и процентов вины кажутся почти детскими играми. Но это еще не все.

Напомним, что из совокупности несчастных случаев на производстве выделяют легкие, тяжелые, смертельные и групповые.

Самая распространенная группа – легкие несчастные случаи – расследуются комиссией, которая полностью состоит из работников

той организации, в которой произошел несчастный случай с работником (отдельные исключения рассматривать не будем).

Нередко представители работодателя в этой комиссии (а их там большинство, и среди них – специалист по охране труда, отвечающий за всю охрану труда на предприятии) устанавливают вину работнику с негласной внутренней мотивацией: ты нам создал проблемы, и, наверное, что-то нарушил из требований сотни документов, с которыми мы тебя как бы ознакомили при устройстве на работу, а теперь мы тебе устроим «проблемы». Будешь знать, как травмироваться!

На этом фоне забывается главная цель расследования – определение причин несчастного случая. Формулировка причин должна быть четкой, лаконичной, технически грамотной, должна соответствовать правилам и нормам охраны труда и логически вытекать из анализа обстоятельств несчастного случая. Ее нельзя подменять простой ссылкой на пункты и параграфы правил и инструкций по охране труда или изложением текстовой части классификатора причин несчастного случая.

Кроме того, причин несчастного случая может быть несколько, но одна из них – основная, и ее необходимо выделить, поставив на первое место среди других.

Основная причина – это та, в результате которой произошло трав-

мирование пострадавшего при воздействии на него производственного фактора. Но, к сожалению, анализ актов расследования разд. 9 по форме Н-1 свидетельствует, что нередко это не соблюдается, основные причины подменяются сопутствующими.

Более того, зачастую истинные причины возникновения несчастного случая подменяются признанием вины пострадавшего в нем. Недопустимо искать причины травмирования только в невнимательности, небрежности, личной и простой неосторожности и т.п., в вине самого пострадавшего.

После определения причин в разд. 10 акта по форме Н-1 – лица, допустившие нарушение требований охраны труда, – следует четко указать, какие именно законодательные акты, статьи, параграфы, пункты правил и инструкций по охране труда ими были нарушены. И что немаловажно – эти лица должны быть с ними ознакомлены.

Неправильное и необоснованное установление причин травмирования не позволяет комиссии и работодателю разработать конкретные мероприятия, направленные на предотвращение травматизма, и объективно определить лиц, допустивших нарушения законодательных и иных нормативных актов по охране труда.

Обратим внимание неравнодушных, что факт грубой неосторожности часто устанавливается про-

ТЕМА

извольно, без ссылок на нормативно-правовые акты, а вина определяется «на глаз». Очень часто ее устанавливают вообще без численного значения, ибо это само по себе сложно и необъективно. А бывает, что размер формально установлен, но совершенно ничем не обоснован – 1 % или 92,5 %.

Как правило, такие акты расследования легких несчастных случаев не обжалуются пострадавшим, так как страховщик через работодателя оплачивает листки временной нетрудоспособности, а установленная степень вины не влияет на размер выплат. Зачем она тогда нужна?

Вместе с тем ситуация кардинально меняется, когда случай переходит из категории легких в тяжелые либо изначально был смертельным или тяжелым. Тогда пострадавшие или их родственники в большинстве случаев справедливо задают вопрос о законности установления вины и обжалуют акты расследования либо через государственную инспекцию труда, либо сразу обращаясь в суд.

В Конституции РФ установлено: вина человека должна быть доказана и установлена судом. Никому не приходится в голову наделять следователя по уголовному делу полномочиями признавать подозреваемого виновным и определять ему меру наказания, а уже потом предоставить человеку, находящемуся в местах лишения

свободы, право обжалования решения следователя в суде. А в трудовом праве именно так, по сути, и происходит, – сначала в досудебном порядке «назначается» вина, а потом можешь судиться с «системой» сколько хочешь.

Действительно, что происходит на практике (в строгом соответствии с действующим законодательством)? Комиссия, состав которой подбирается и утверждается руководителем предприятия, проводит расследование, собирает доказательства и решает вопрос виновности пострадавшего (так, как это нужно руководителю или собственнику).

Решение принимается простым большинством голосов, и очевидно, что это большинство (работники) всегда на стороне работодателя. Конечно, можно утверждать, что в состав комиссии входит представитель первичной профсоюзной организации (при ее наличии), который контролирует соблюдение прав работника.

Но о каком соблюдении прав можно говорить, если, как показывает многолетняя практика, ни один из членов ни одной комиссии не смог ответить на следующие вопросы:

- ✓ Что такое «грубая неосторожность»?
- ✓ Как установить факт ее наличия?
- ✓ Каковы критерии оценки степени виновности?

✓ Какова законность такой оценки, если методики определения степени вины нет?

✓ Какова доказанная причинно-следственная связь между конкретными действиями или бездействием работника и происшедшим несчастным случаем?

Вот почему вопрос об установлении вины пострадавшего и ее степени должен относиться к компетенции независимого и профессионального органа – суда. И только!

Как можно доказывать что-то и обвинять пострадавшего в том, что не определено законом, в отношении чего не установлены юридически строгие критерии оценки?

Глубоко убеждены, что положения ТК РФ и Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» об установлении вины во внесудебном порядке не квалифицированной группой лиц, произвольно или целенаправленно организованной стороной, заинтересованной в результатах расследования, – работодателем, – противоречат Конституции РФ, Гражданскому кодексу РФ, общим принципам права.

Именно сейчас все легко поправить – достаточно внести изменения в проект новой редакции разд. X ТК РФ.

Откуда в трудовом праве, в целом стоящем на страже прав работника, появилась «грубая неосто-

рожность»? Думается, это понятие пришло из гражданского права. Всем специалистам по охране труда прекрасно известно, что действующая система до сих пор не избавилась от атавизмов системы возмещения вреда, существовавшей с 1992 г. по 1999 г., до ввода в действие с 1 января 2000 г. Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

В те годы субъектами правоотношений выступали работодатель, который возмещал вред за счет своих средств, и пострадавший работник.

Логика законодателя об установлении вины пострадавшего для уменьшения размера возмещения причиненного вреда работодателем была понятна: работодатель обязан возместить причиненный при работе по найму в его интересах вред пострадавшему (фактически, расплачиваясь за свои упущения в обеспечении безопасных условий труда), а пострадавший работник как лицо, обязанное соблюдать требования безопасности труда и трудового распорядка при выполнении порученных ему работ, должен нести материальную ответственность за свои неправильные и фактически противоправные действия (если они были).

Но с началом работы системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных

ТЕМА

заболеваний все изменилось. Сегодня возмещение вреда путем социального обеспечения производит страховщик, которому работодатель перечисляет страховые взносы.

Подчеркнем – перечисляет взносы на обязательное социальное страхование своих работников в целом, а не на страхование их отдельных действий или конкретных профессий. При этом взносы перечисляются в полном объеме, установленном законом, а не в уменьшенном на 25 % в случае установления вины работнику (максимально учитываемый процент вины работника при возмещении вреда).

Так почему субъект права – страховщик имеет возможность выплачивать пострадавшему страховое возмещение в уменьшенном размере? Куда девается разница? И зачем?

Более того, пострадавший, утратив трудоспособность, потерял возможность получать зарплату и нуждается в социальном обеспечении, которого нет, и идет судебный спор между пострадавшим и страховщиком.

Российская судебная система не отличается быстротой принятия решений: дела могут тянуться годами. Порой этому способствует страховщик, иногда умышленно затягивая процесс, – ведь пока идет судебный спор пострадавшего (или его представителей) со страховщиком, страховщик (формально до-

жидаясь вступления решения суда в законную силу) не будет выплачивать страховое обеспечение пострадавшему.

Все это ведет к нарушению конституционных прав пострадавшего на своевременное и полное возмещение причиненного вреда здоровью.

Решить поставленные в данной статье вопросы можно и нужно раз и навсегда, отказавшись от порочной и неправомерной практики установления факта грубой неосторожности, степени вины и уменьшения размера возмещения вреда пострадавшему от трудового увечья. Повторим – сделать это несложно в новой редакции разд. X ТК РФ.

Усилия комиссии по расследованию, представителей работодателя, представителей работников, государственной инспекции труда, страховщика следует сосредоточить на выяснении причин произошедшего и выработке мер по недопущению в будущем аналогичных несчастных случаев.

Только так мы сможем хоть чуть-чуть продвинуться к идеалу Vision Zero – «нулевому травматизму»!

А. ПОРЫВАЕВ,
и.о. зам. председателя, зав. отделом защиты прав трудящихся, гл. техн. инспектор труда Пермского крайсовпрофа,

Г. ФАЙНБУРГ,
директор Института безопасности труда, производства и человека ПНИПУ,
докт. техн. наук, профессор,

г. Пермь